

Андрей АЛЕЙНИКОВ

МЕТАФИЗИКА РОССИЙСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ИЛИ СКЛОКА

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие национальной конфликтной модели и стратегии разрешения конфликтов в российском обществе.

The article attempts to identify and analyze system features and main components of the national conflict model and the strategy of conflict resolution in the Russian society.

Ключевые слова:

российские трансформации, власть, конфликтная модель, конфликтный стиль; Russian transformations, power, conflict model, conflict style.

*«Социальные структуры отличаются по степени конфликта, который они могут выдержать».
Л. Коузер «Основы конфликтологии»*

Процессы социальных трансформаций являются многоплановыми и полиаспектными и представляют собой, говоря словами Р. Коллинза, «запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах»¹.

В российской системе координат существенным паттерном, на который нужно обратить внимание, является доведение до совершенства технологий создания искусственной политической конфликтности как социальной нормы. Российские граждане становятся легкой добычей и готовой жертвой политтехнологов, прежде всего, потому, что в России экзистенциальные проблемы не существуют отдельно от экономических, социальных и политических проблем. «Наоборот, среди наших реалий [в] метафизику, в проблемы добра и зла, доброты, искренности, лжи, сокрытия, человеческого своеволия, самоуправства и в решение этих проблем — внедряться быстро почти при первой же встрече с милиционером, с органами местного самоуправления»².

Зашкаливающая взаимная речевая агрессия как на институциональном уровне (власть, оппозиция, СМИ), так и на уровне повседневности имеет не лингвистическую, а социальную основу, для концептуализации которой все чаще употребляется термин «холодная гражданская война».

В этой связи уместно привести суждения Ч. Тилли: «гражданская война — потрясение для любого режима, и, как правило, она обращает вспять все три основных процесса демократизации: она разрывает связи между публичной политикой и сетями доверия, вписывает категориальные неравенства в публичную политику и порождает опасные независимые центры власти, опирающиеся на насилие»³. Безусловно, насилие в этом контексте не отождествляется с физическим принуждением «на основе средств телесного воздействия» (Луман), хотя его актуализация вообще есть один из индикаторов «холодной гражданской войны». Фундаментальное

АЛЕЙНИКОВ

Андрей

Викторович —

д. филос. н.,

доцент кафедры

конфликтологии

СПбГУ

av-aleynikov@

yandex.ru

¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М.: ИД «Территория будущего», 2009, с. 101.

² Бибихин В.В. Введение в философию права. — М.: ИФ РАН, 2005, с. 50.

³ Тилли Ч. Демократия. — М.: Институт общественного проектирования, 2007, с. 215.

значение имеет структурная и символическая форма насилия, применение которого является «также кульминационным пунктом конфликта, в котором неизбежно должно выясниться, кто из сторон конфликта одержит победу. При этом выбор той или иной альтернативы в рамках бинарного схематизма ориентации проистекает из антиципации исхода конфликта»¹. При этом особое значение имеет «тот наворот русской жизни, который состоит в том, что русский человек ставит себя в... ситуацию всегда предельную (!), выход из которой — всегда радикальный (или в ту, или в иную сторону)»².

Исследование истории российских кейсов деконструкции и разрушения социума зачастую ограничивается спекулятивным анализом «элитных интриг, клановых раскладов и иностранных интересов»³. Подобное редуцирование не позволяет выявить такую специфику российского конфликтного взаимодействия, как отсутствие социальной динамики в движении от «токсичных» видов социальных конфликтов, не поддающихся институционализации и несущих угрозу существованию общества, в сторону по преимуществу «позитивных», не приводящих к разрушению социума механизмов неконфликтных изменений и конфликтов, поддающихся институционализации.

Между тем, необходим анализ изменений, по формуле Т. Парсонса, «институционализированных стандартов»⁴ нормативной конфликтологической культуры российского общества и глубинного архетипа «конфликтологического разума» российского народа, влияющего на «токсично-конфликтногенный»⁵ тип нашего развития⁶.

Социологические исследования пока-

¹ Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001, с. 98.

² Мамардашвили М. Лекции по античной философии. — М.: Аграф, 1997, с. 29.

³ Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013, с. 196.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2000, с. 701.

⁵ В терминологии Дэвида Лэндеса: «Существуют культуры, которые я называю токсичными... они калечат тех, кто держится за них». См.: Culture Counts: Financing, Resources, and the Economics of Culture in Sustainable Development // The World Bank. — Washington, DC, 2000, p. 30.

⁶ Алейников А.В. Институциональные российские конфликты: «трагедия соревнующихся невозможностей» // Конфликтология, 2012, № 3.

зывают, что в глобальном индексе миролюбия⁷ (*Global Peace Index*) Россия занимает 153-е место из 158 — между КНДР и Демократической Республикой Конго. Т. Парсонс утверждал, что именно ценностно-нормативный консенсус в обществе обеспечивает социальный порядок, а максимальное распространение не находящихся в конфликтных отношениях, потенциально примиряемых базовых ценностей и норм, их институционализация обеспечивают стабильность и четкое функционирование общества⁸. В сравнительном же исследовании ценностей, проведенном В. Магуном и М. Рудневым, зафиксировано, что по параметрам «благожелательность» и «универсализм» (прятие чужого) Россия занимает одно из последних мест и принадлежит к числу европейских стран с низким межличностным ценностным консенсусом по большинству базовых ценностей. Симптоматично, что разработанная Карлом Шмиттом фундаментальная дихотомия «друг/враг», определяющая суть конфликтной модели, обращена не только внутрь российского социума, но и вовне. По результатам опроса Всемирного экономического форума, который оценивал степень дружелюбия к иностранцам, Россия уступает «пальму первенства» по недружелюбию Венесуэле и Боливии и опережает по этому показателю Иран, Пакистан и Саудовскую Аравию⁹.

Приведем замечательно красноречивую формулировку, прозвучавшую в одном из выступлений на солидной научной конференции: «Мы — страна сбывшейся

⁷ Глобальный индекс миролюбия определяется агрегированием 23 показателей, объединенных в 3 основные группы: наличие и масштабы внутренних и международных конфликтов, в которых участвует государство; уровень стабильности и безопасности внутри государства; уровень милитаризации государства и оценивается по шкале от 1 (максимальное миролюбие) до 5 (минимальное миролюбие). Для постсоветской России индекс миролюбия в 2012 г. составил 2,938. 1-е место по миролюбию (индекс 1,113) заняла Исландия, а последнее (индекс 3,392) — Сомали. См.: Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис, 2013, № 1.

⁸ Парсонс Т. О социальных системах. — М.: Академический проект, 2002.

⁹ The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013. Reducing Barriers to Economic Growth and Job Creation // http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013.pdf (дата обращения 16.03.2013).

конфликтологии»¹. Эту ситуацию очень ясно диагностировал на материалах после-революционной России В.П. Булдаков: «Практически не осталось людей, живущих в гармонии со своим социальным окружением и давлением “внешнего мира”. Противоречия носили настолько сложный, системно-парализующий характер, что возник синдром “гордиева узла”, который проще разрубить, чем распутать... Эти фрустрационные судороги... сказываются и сегодня»². Негативная социальная энергия проявляется в антагонистических конфликтах в сферах символических войн в социальных сетях, войнах компроматов, в повседневном быту.

Наглядной иллюстрацией ригидности и централизации российских политических конфликтов является рассмотрение политическими партиями и общественными движениями отхода от позиций как унижения, потери чести, достоинства, авторитета, репутации, власти, что, соответственно, увеличивает и интенсивность конфликта³.

Прежде чем приступать к собственно анализу российской конфликтной модели, предложим рабочее операциональное определение. *Конфликт* – особый вид отношений социальных и политических субъектов друг к другу, символизирующий разновидность активной борьбы между ними и тип мышления об их отношениях между собой, являющийся результатом тематизации негативной коммуникации⁴, обусловленный неадекватным ответом одного социального субъекта на вызов дру-

гого, находящегося в критической степени дискомфорта, вызванной абсолютной или относительной ресурсной депривацией⁵, и выражающийся в виде определенных социальных практик.

Вопрос о национальной конфликтной модели может быть рассмотрен в рамках фокусирования на социальных, психологических, политических механизмах разрешения конфликтов.

1. *Критерии упорядоченности социальных полей конфликта*. В социуме либо сформированы устойчивые представления о приемлемом уровне конфликта как продуктивного элемента социального взаимодействия, позволяющего отрефлексировать собственную позицию, оптимизировать конфликтную ситуацию, внести в нее необходимые коррективы, либо отрицается продуктивность конфликта, а признается лишь борьба на уничтожение.

2. *Мера антропоцентричности или власти- (иерархо-) центричности*. Выражается в способах действий или механизмах разрешения конфликтов. В первой модели данные механизмы определяются институциональной системой «работы» с конфликтом, соизмеримой с человеком и ориентированной на него, в которой решение конфликтных социальных проблем ищут в гражданских сетевых связях, на разных уровнях, в различных точках горизонтальных коммуникаций. Во второй – коммуникативные конфликтные отношения завязываются на власть, единственным закрепленным в традициях способом действий является жалоба начальству, все неразрешенные конфликты центрируются на вершину управленческой пирамиды, где социальный организм концентрирует конфликты и куда канализируется конфликтная социальная энергия, некомпенсированная, неперекрытая и нецивилизованная. Истина, сила и право в разрешении конфликтов всегда остаются за иерархией, которая является носителем и выразителем идеи целого, всегда стремящегося к снятию конфликта всеми сдерживающими, репрессивными, силовыми способами. В этой парадигме конфликт зачастую разрешается или покупается ценой победы иерархии над здравым смыслом.

¹ Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. – М. : Экон-Информ, 2009, с. 98.

² Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М. : РОССПЭН, 2012, с. 732.

³ Дейч М., Шикман С. Конфликт: социально-психологическая перспектива // Социальный конфликт: современные исследования : реферативный сборник. – М. : ИСАН, 1991, с. 70–74.

⁴ О негативности как существенной черте конфликтного взаимодействия см.: Стребков А.И., Алдаганов М.М., Газимагомедов Г.Г. Российская конфликтология: между настоящим и прошлым // Вестник СПбГУ, сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение, 2013, вып. 1, с. 66–76; Стребков А.И., Алдаганов М.М. Особенности развития и состояние отечественной конфликтологии // Вече. Журнал русской философии и культуры, 2011, вып. 23, с. 181–207; Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликтология для XXI века // Знание. Понимание. Умение, 2008, № 2, с. 112–120.

⁵ Депривация, в трактовке Л. Бляхера, – возможность/невозможность утвердить перед другим свои ценности, смыслы и т.д. См.: Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М. : РОССПЭН, 2005, с. 143.

3. *Критерии эстетической оформленности конфликта.* Обеспечивает ли стиль разрешения конфликта, выхода из негативной ситуации психологический комфорт, рождает ли чувство защищенности?

Отправной точкой описания и анализа конфликтной модели общества может быть выделение 2 основных уровней. Первый — онтологический, типологизирующий конфликтные ситуации данного типа общества, их особенности и структуру, которые остаются инвариантными. Конфликтные модели обществ разграничены по разным типам взаимосвязей между вызовами и ответами и разными стратегиями преодоления социального дискомфорта, типов поведения в конфликте. Следовательно, речь идет о наличии или отсутствии (искаженности) в обществе институциональной обеспеченности интегрирующих механизмов, сочетании условий, позволяющих компенсировать или нейтрализовать структурные конфликты внутри социума.

Второй — операциональный, т.е. определенный набор стереотипных сценариев конфликтного поведения, совокупность приемов конфликто разрешения, выработанных и используемых в данном обществе. В данном исследовательском сюжете важно, что в условиях посткоммунистического перехода политический конфликт, логика оппозиций превращается в войну за государство, в технологию создания искусственной политической конфликтности как социальной нормы.

В истории социальной системы¹ (а значит, и в истории «конфликтов российских») нет «даже намеков на договоры и взаимоограничения», для нее не характерны диалог (по определению А.С. Ахиезера, «в России вместо диалога реализуется совокупность монологов»), взаимные уступки и компромиссы.

¹ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra, 1999, т. 4, № 4. Надо отметить, что сам термин «Русская Система», по мнению значительной части научного сообщества, вызывает сомнения насчет его научной достоверности. Хотя бы потому, что Россия по своему менталитету — страна принципиально бессистемная. В ней, по выражению Л.Н. Толстого, еще ничего не сложилось и только начинает складываться. Можно использовать термин «систематическая бессистемность» или «бессистемная свалка». Подробно об этой дискуссии см.: Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / под общ. ред. И.М. Клямкина. — М.: Новое издательство, 2011, с. 56—117.

Силловые линии социального поля (зоны социального пространства, в которых конфликтное взаимодействие принимает особо интенсивный характер), по которым можно оценивать напряженность социума, в российском (и постсоветском) пространстве быстро проходят некий пороговый уровень и радикально меняют социально-политический ландшафт в считанные дни и даже часы. О том же говорит и Д. Фурман: «Опыт других систем этого “вида” говорит о том, что летальный кризис всегда “подкрадывается незаметно” — его неожиданность имманентна системам, в которых нет обратной связи власти общества, где в избытке поступают сигналы об опасностях не реальных, но не поступают сигналы об опасностях реальных»².

Таким образом, можно отметить, что в России конфликты нередко принимали особенно острый, обвальный, разрушительный, катастрофический характер, ведущий к быстрому и «неожиданному» (революционному, а не эволюционному) слому институциональной структуры. По выражению Л. Козера, «в крайне поляризованных социальных системах, где внутренние конфликты разных типов накладываются друг на друга, единое прочтение ситуации и общность восприятия событий всеми членами системы вряд ли вообще возможны. В условиях, когда группа или общество раздираемы враждой лагерей вне всякой объединяющей цели, заключение мира становится почти невозможным, так как ни одна из внутренних партий не желает принять определение ситуации, предложенное другими»³.

Травматологическая метафора Штомпки⁴ акцентирует внимание на признаках дезинтеграции посткоммунистического общества, его системной конфликтности.

Операционализируя данный концепт, можно предположить, что существует

² Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. — М.: Весь Мир, 2010, с. 154.

³ Козер Л. Функции социального конфликта: реферативный сборник // Социальный конфликт: современные исследования. — М.: ИНИОН АН СССР, 1991, с. 23.

⁴ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс, 2001, № 1, с. 6—17; он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе, ст. 2 // Социс, 2001, № 2, с. 3—12.

два типа конфликтного стиля¹ общества. Фокус их изучения перемещается в точку рассмотрения определенной системы институционализации конфликтов. Один путем постоянной реконфигурации конфликтов, не допуская острых всплесков, раскручивает спираль социальной реконструкции и приводит к внедрению нового социального комплекса, предоставляя «обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований... элиминировать источник недовольства, ... искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство»². Данный стиль, при котором между участниками конфликта выстраиваются «коммуникативные мосты», можно, используя концепцию американского политического философа Айрис Янг³, назвать «коммуникативной демократией».

В противоположном же стиле «коммуникативного разрыва» выстраивается такая конфигурация разрешения, вернее, подавления конфликтов, при которой она обеспечивается не в результате интериоризации социальных норм, а насильно, путем вмешательства власти.

Данная архитектура конфликто разрешения может положить начало спирали социального разрушения, упадку и полной дезинтеграции общества. По З. Бауману, общество обречено на умирание, на полный коллапс социальнo-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов не восполняется новыми институтами неформального общения и социального контроля⁴. Такой конфликтный стиль Р. Дарендорф сравнивал со злокачественной опухолью: «Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упу-

скает такую возможность, получает этот ритм себе в противники»⁵.

По-видимому, нет такого социума, где дуалистическое, политическое, экономическое и др. пространства (поля) не существовали бы вообще.

Все зависит от того, каков «национальный стиль» развития страны в миросистеме, характеризующийся особенностями режимов и грамматик, жестко или нежестко навязываемых миросистемой правил⁶, какова природа конфликта постсостояния между воздействием традиций прошлого и их публичным отвержением (Дарендорф).

Бердяев утверждает, что «подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость»⁷. Переносим понятия «антиномия» из сферы идей в сферу общества означает обнаружение таких противоречивых свойств социума, которые, постоянно переходя друг в друга, неустранимы. Бердяевская «кентавичность», противоречивое совмещение прошлого с новыми реалиями, определяет конфликтный стиль России.

При этом существующая институциональная структура разрешения конфликтов может «загнать» (Дуглас Норт) общество в определенное русло развития.

Причины неудач модернизационных проектов на российском пространстве во многом определены конфигурацией системы институционального ограничения конфликтов и слабостью «конфликтно-позитивных», консенсусных ценностей и установок.

Конфликтная модель определяется измерениями насилия. Дуглас Норт с соавторами сформулировали адекватный показатель категоризации конфликтных моделей, при котором важно «определить, приводит ли рассеянный контроль над насилием к угрозам его применения, играя центральную роль в социальном порядке, или контроль над насилием консолидирован и поэтому многие отношения осуществляются без угрозы насилия. Порядки

¹ Как подметил Р. Бендикс, понятие «стиль» применительно к социальным процессам использовал М. Вебер. См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. — М. : Юрист, 1994, с. 567–582.

² Козер Л. Указ. соч., с. 23.

³ Young I. M. Illusion and Democracy. — Oxford : University Press, 2000; Young I. Justice and Communicative Democracy // Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics / ed. by R. Gottlieb. — Philadelphia, Pa : Temple University Press, 1993, p. 123–143.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М. : Логос, 2002.

⁵ Darendorf R. Society and Democracy in Germany. — Garden City, N.Y. : Doubleday, 1969, p. 140.

⁶ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. — СПб. : Интерсоцис, 2009, с. 83.

⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. — М. : АСТ, 2010, с. 13.

ограниченного и открытого доступа коренным образом отличаются друг от друга по отношению к этим измерениям насилия и организации насилия»¹. Ключевое значение приобретают механизмы разрешения конфликтов, определяющие характер социального, политического, экономического и культурного ландшафта, или, иначе говоря, ключевой способ конфликторазрешения в том или ином обществе.

В российской практике реализуется в основном модель использования насилия ради достижения групповых интересов в формате открыто манифестируемой вражды различных социальных групп при осознанном использовании политических технологий интенсификации и эскалации конфликтов, в т.ч. с использованием приема поисков внутреннего и внешнего врагов. В контексте этой устойчивой тенденции социального развития, политической традиции и политической культуры возникает эффект преобладания административных методов регулирования конфликтности и доминирование неформальной составляющей институционализации конфликтов².

Признаки этого процесса в современной действительности многократно описаны — от резкого увеличения штрафов за нарушения при проведении митингов, появления в законе понятия «иностранные агенты» до угроз проведения массовых несанкционированных митингов со стороны оппозиции. Разумеется, было бы непростительной самонадеянностью безапелляционно требовать от акторов российской политики понимания таких инструментальных возможностей адекватного разрешения политических конфликтов, как, например, честность. Напротив, как писал Луман, используются все возможности «отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами»³. И здесь нет ничего нового — но (!) современная модель искус-

ства улаживания конфликтов строится на гештальте или, говоря словами Сократа, понимании и ограничении лжи и криводушия в политике. Наиболее заметным проявлением такого формата отношений является технологичное и компромиссное вскрытие глубоких сущностных проблем, при котором имманентным качеством политической культуры является перевод ранее скрытых конфликтов в открытое публичное пространство, их обнажение. В одной конфликтной модели общества восприятие конфликта — это не ужас перед вскрытием пережатых каналов коммуникации, когда хлынет застоявшееся содержимое, а упорядочение коммуникативного хаоса, нацеленного на принципиально новые модели конфликтного поведения.

В рамках другой модели реализация требований заинтересованности всех акторов конфликтного процесса в установлении общих правил игры, признании их взаимной необходимости и ценности практически невозможна. Конфликт, по Луману, — не прерывание и не прекращение коммуникации, а ее продолжение в определенной ее форме. Л. Козер считал жесткое очерчивание предмета спора лишь условием соглашения, в котором четко зафиксированы цели противников и оговорен момент будущего исхода борьбы⁴.

В конфликтном взаимодействии важно не столько «обозначение различий в подходах», сколько определение того, что Ю.М. Лотман называл «открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир»⁵. Политические позиции сторон конфликта, используя лотмановский инструментарий, накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, располагаются в «одной плоскости», образуя на ней внутренние границы, превращая культурные и политические антонимы в синонимы.

В контексте данных суждений отчетливо видна такая черта российской девиации конфликтного поведения, как «недоговороспособность», неумение и, главное, нежелание договариваться. «Любой партнер, — блестяще подмечает Л. Гудков, — независимо от близости или интимности отношений, значимости или даже харак-

¹ Норд Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2011, с. 57.

² Алейников А.В. Российская модель конфликтной сопряженности бизнеса и власти // Конфликтология, 2013, № 1, с. 92–116; он же. Конфликтологическое измерение взаимодействия бизнеса и власти в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 2008, вып. 4, с. 81–88.

³ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб.: Наука, 2007, с. 492.

⁴ Козер Л. Указ. соч., с. 190–191.

⁵ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. СПб.: Семиосфера, 2000, с. 13.

тера связей и отношений, по сути своего социального взаимодействия выступает не как партнер, ...а воспринимается заведомо неполноценным, в большей или меньшей степени негативным... враждебным, агрессивным, чужим, угрожающим тебе»¹.

В России стороны конфликта, как правило, в т.ч. и путем коррекции институциональных правил, готовятся не к компромиссу, а к максимальной напряженности. Луман называет это «проблемой избыточного давления», когда «разочарованных побуждают продемонстрировать, что в своих ожиданиях они придерживаются своих ожиданий спровоцировать конфликт и, по возможности, настоять на своем. К тому, кто на этом основании делается агрессивным, трудно подступиться, потому что приходится считать, что он сам по себе прав. Однако следствия могут выходить далеко за пределы повода. И то, что предусматривалось в качестве публичной поддержки и тем самым содействовало решимости ожидаемого, может стать проблемой общественного возмущения»². Правила координации и разрешения конфликтов всякий раз разные и всякий раз устанавливаются под действием силы, механизмы согласования складываются в основном на неформальном уровне.

В такой системе координат это приводит к неизлечимой патологически разрушительной конфликтности социума, поскольку усиление жестких силовых оборотов в управленческих практиках, распространение силовых стратегий власти с репрессивным окрасом (запрещение, предотвращение, уничтожение) минимизируют позитивные возможности конфликта. Здесь необходимо отметить и зафиксированную рядом исследователей (например, С. Каливасом) закономерность: лучше других в конфликтах, в т.ч. и жестоких гражданских войнах, выживают те, кому удалось пощадить противника, ибо великодушие создает сильные обязательства и прерывает цикл насилия и мести³.

В России, похоже, на стратегическом уровне политической рефлексии крайние, предельные формы конфликта (мантры

об исчерпанности лимита революций или о российском бунте — «бессмысленном и беспощадном») как бы запланированы и только ждут своей реализации при определенных условиях в политической практике. Конфликт редуцируется до разнообразных политических и социологических спекуляций об особенностях повседневного поведения или политического языка его субъектов. Выдающийся филолог, дворянская сестра Бориса Пастернака Ольга Михайловна Фрейденберг, обобщая свой горький житейский опыт, выдвинула концепт склоки как методологии нашей политической рефлексии, выяснения важнейших социально-политических вопросов на языке фиксации своих отрицательных эмоций по поводу других субъектов конфликта. «Это низкая, мелкая вражда, злобная групповщина одних против других, это ультрабессовестное злопыхательство, разводящее мелочные интриги. Это доносы, клевета, слезка, подсиживание, тайные кляузы, разжигание низменных страстишек одних против других. Напряженные до крайности нервы и моральное одичание приводят группу людей в остервенение против другой группы людей, или одного человека против другого. Склока — это естественное состояние натравливаемых друг на друга людей, беспомощно озверевших, загнанных в застенки. Склока — альфа и омега нашей политики. Склока — наша методология»⁴. Склока как атрибутивная черта российской политической конфликтности транслируется в неформальные социальные механизмы и ритуалы, перекрывая каналы и мосты коммуникации, загоняя конфликты в «институциональную ловушку».

В отличие от этой парадигмы, моделирующей динамику конфликтов в закрытой системе и стремящейся максимально заблокировать диалоговую составляющую, медиативная структура предполагает принцип открытости конфликта, динамичное взаимодействие в реальном снятии конфликтной оппозиционности. Однако коммуникативная этика — наиболее продуктивная форма конфликтного процесса — не является определяющим элементом политического сознания и конфликтной культуры России.

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. — М. : Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004, с. 282.

² Луман Н. Указ. соч., с. 439.

³ Дергуньян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миротворческой перспективе. — М. : Территория будущего, 2010, с. 303–304.

⁴ Пастернак Б. Пожизненная привязанность. — М. : АРТ-ФЛЕКС, 2000; http://www.imwerden.info/belousenko/wr_Pasternak.htm (дата обращения 01.03.2013).